

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КОМАНДА

МЫ УДАРИМ ПЕРВЫМИ

Команда

Максим Шахов

Мы ударим первыми

«ЭКСМО»

2011

Шахов М. А.

Мы ударим первыми / М. А. Шахов — «Эксмо»,
2011 — (Команда)

Команда - небольшая, но могущественная организация, выполняющая самые сложные задания высших правителей России. Да, часто она действует за гранью закона, но интересы государства важнее. Вот и сейчас руководителю Команды Герману Талееву приходится принимать решения, которые противоречат нормам морали. Из норвежской психбольницы сбежал печально известный террорист по кличке Азер. Аналитики Команды понимают, что беглец понадобился кому-то для проведения очередного теракта. Но где он произойдет? Расследование приводит бойцов в Североморск, где в самом разгаре демонтаж реактора атомной субмарины. Вдобавок ко всему в город с визитом едет президент России...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Шахов

Мы ударим первыми

ПРОЛОГ

Небольшое четырехэтажное здание из грязно-серого камня было практически незаметным. Оно ничем не отличалось от других таких же, построенных в пятидесятые и шестидесятые годы. Случайный прохожий никогда не взглянул бы на него еще раз.

Только вот случайных прохожих здесь никогда не было. Их просто не могло быть на маленьком закрытом острове в пяти милях от западного побережья Норвегии, не имеющем даже собственного названия.

Трижды в неделю к острову подходили катера с эмблемой Министерства здравоохранения. Если же к острову пыталось пристать сбившееся с пути из-за постоянных туманов или неисправное рыболовецкое судно, его встречали одетые в хаки мужчины с вежливыми улыбками и холодными взглядами. Вот почему никто из посторонних не мог увидеть четыре сторожевые вышки и трехметровый электрифицированный забор, окружающий странное учреждение с внутренним двориком.

Хотя что может быть странного в том, что в непримечательной во всех отношениях психиатрической лечебнице содержались люди с расстроенной психикой? Ничего. Если бы из «прошлой жизни» каждого ее обитателя не тянулся зловещий след кровавых злодеяний – убийств, насилия, разбоев, грабежей.

Это была специальная психиатрическая лечебница для особо опасных преступников, содержать которых, что вполне естественно, необходимо в строго охраняемом месте. Все потенциальные риски здесь были сведены к минимуму. Медицинский и обслуживающий персонал проходил тщательную проверку, а постоянное видео– и аудионаблюдение давало надежную гарантию от возможных побегов и бунтов.

Впрочем, за несколько десятков лет существования клиники никому не удавалось совершить побег. Хотя две-три неуклюжие попытки все-таки были зафиксированы. А вот бунты не случались никогда. И, конечно, главная заслуга в этом принадлежала формам и методам применяемого лечения. Конечно, здесь были и электрошок, и специальные процедуры, но применялись они лишь в исключительных случаях, отнюдь не чаще, чем в любой обычной психиатрической лечебнице. Основным было медикаментозное направление лечения, а главной заботой учреждения – вовсе не душевный покой пациентов, а их усмирение. Поэтому здесь усиленно применялись препараты, чье воздействие на человеческий разум было еще не до конца изучено, а последствия – не всегда предсказуемы. А уж дозы...

С первым же приемом лекарств наступали апатия, медлительность, инертность. Взгляд становился затуманенным и рассеянным, походка – медленной и неуклюжей, движения ослабленными и плохо скоординированными.

Ни один пациент еще не покинул клинику излечившимся.

* * *

Раздвижная дверь палаты № 2С медленно открылась, и пациент замер у входа, ожидая приближения санитар. Очередная рутинная процедура: санитар отведет его в пункт приема лекарств. Для передвижения на столь короткие расстояния на него не стали даже надевать специальный, с дистанционным управлением, пояс, который выполнял функцию мощнейшего электрического разрядника. Многомесячное применение транквилизаторов и антидепрессан-

тов полностью подавило волю пациента. Из уголка рта на подбородок стекала струйка слюны, голова была опущена и слегка подрагивала. Станным мог показаться лишь короткий, цепкий взгляд исподлюбья, тут же потухший. Но кто мог это заметить?

В открытом кабинете фельдшера пациент получил три таблетки из рук коренастого средних лет человека в белом медицинском халате. Он проглотил лекарство, а затем открыл рот, показывая, что не спрятал его под языком или за щекой. В этот момент фельдшер, стоя спиной к камере наблюдения и отгородившись телом пациента от взгляда охранника, расположившегося в маленьком коридорчике на стуле напротив открытой двери лазарета, засунул под его рубашку чип-карту и еле слышно прошептал:

– Через полчаса. По сигналу.

Это время пациент провел, лежа на жестком топчане в кабинете фельдшера, в полной неподвижности, уставясь остекленелым взглядом в потолок. Он был готов...

* * *

...Около двух месяцев назад в дом фельдшера в Тронхейме явились двое незнакомых людей. Фельдшер жил один: жена умерла десять лет назад, а двадцатилетняя дочь обучалась во французском университете модной профессии ландшафтного дизайнера. Пьянящее чувство свободы, а может, воздух Парижа вскружили белокурую головку неопытной норвежской провинциалки! Глупая девочка без ума влюбилась в черноволосого красавца-араба с параллельного факультета. Они даже вместе приезжали к отцу в Тронхейм на несколько дней, растопили сердце нестарого вдовца своей пылкой любовью и получили отеческое благословение. Фельдшер с легкостью дал согласие на брак, тем более что дочка оказалась уже на шестом месяце беременности, а вскоре произвела на свет очаровательных мальчиков-двойняшек. Новоиспеченный дедушка был на седьмом небе от счастья и, не раздумывая, согласился, что юной маме с новорожденными лучше пожить на родине отца, в теплом климате Средиземноморья, чем в туманной и промозглой Северной Норвегии.

И вот теперь оттуда, из ливийского Триполи, появились в его доме эти страшные незнакомцы. Они показали десятки фотографий счастливого семейства и спокойно сообщили, что безоблачное будущее его внуков и дочери, и даже сама их жизнь целиком зависят от безусловного выполнения их распоряжений. Ради своих единственных близких отец и дед был готов на все.

Так фельдшер стал надежной «ниточкой» связи для пациента из палаты № 2С с внешним миром. Кроме того, он получил несколько упаковок таблеток, которыми надлежало поить пациента вместо предписанных в клинике. Таблетки творили чудеса: у заключенного прояснилось сознание, улучшилось настроение, появилась легкость, он ожил. Теперь ему приходилось притворяться: имитировать тяжелую шаркающую походку, пускать слюны, изображать человека, находящегося под действием нейролептика этаперазина. А еще одну таблетку фельдшер должен был дать обитателю палаты 5А – старику с серьезным сердечным заболеванием и неоднократными приступами – строго в указанное время. Сегодня время пришло...

* * *

Пациент палаты № 2С поминутно представлял себе каждый последующий шаг благодаря полученным через фельдшера инструкциям и никак не прореагировал на раздавшийся из динамиков переливчатый сигнал и голосовое объявление: «Код 3-4, Центральный портал, палата 5». Объявление прозвучало еще несколько раз. Пациент почувствовал, как на плечо ему легла рука угрюмого санитаря. Он открыл глаза и медленно поднялся. Согласно инструкции учреждения, по такой команде свободным санитарам надлежало немедленно явиться в

указанное место, а все пациенты должны быть разведены по своим палатам и оставаться там под непосредственной охраной сопровождающих санитаров.

Путь пациента завершился у двери камеры. Палата № 2С была на данный момент единственной обитаемой в небольшом отделении Западного крыла.

– Проходи!

Пациент на нетвердых ногах качнулся в сторону коридора, и санитар автоматически вытянул руку, чтобы поддержать его, а потом легким пинком отправить в камеру-палату, как делал уже неоднократно. Но на сей раз тот неожиданно резко и сильно рванул за вытянутую руку. На лице санитаря отразились растерянность и паника: накачанный наркотиками, едва таскающий ноги заключенный вдруг проявил бурную активность – что случилось? Но уже в следующее мгновение колено пациента с силой ударило его в низ живота, а на открывшийся затылок обрушился мощный удар двух сцепленных рук. Потеряв сознание, санитар тяжело рухнул на покрытый пластиком пол.

Заключенный быстро переоделся в его серую рубашку и брюки, прицепил значок-пропуск, прикрыв фотографию клапаном кармана рубашки. Тело санитаря он затащил в палату и нанес выверенный удар ребром ладони по сонной артерии. Теперь тот уже не поднимет тревогу. Никогда. Беглец прислушался: ничто не нарушало тишины внутри отделения, а вот снаружи еле слышно доносился шум винтов подлетающего вертолета. Значит, оставалось чуть менее трех минут. Заключенный устремился к выходу из отделения, а затем свернул налево, на черную, рабочую лестницу. Проход на нее он открыл полученной от фельдшера карточкой-чипом.

У престарелого обитателя палаты № 5А действительно случился приступ. Обследовавшие его на месте врачи клиники констатировали общее ухудшение состояния и развитие признаков сердечной аритмии. В таких случаях полагалось перевезти больного в отделение интенсивной терапии, то есть эвакуировать с острова. Мгновенно связались с Центральной клинической больницей и запросили вертолет или катер. Погода в этих широтах была крайне неустойчивой, поэтому врачи особых надежд на винтокрылую машину не питали. Однако в этот раз транспортный санитарный вертолет с опознавательными знаками Министерства здравоохранения появился удивительно быстро. Погрузку больного старика на борт организовали, пренебрегая многими бюрократическими процедурами: ему становилось хуже прямо на глазах, и появились серьезные опасения за его жизнь. Если он умрет, пусть это случится в Центральной клинике. Через пять минут вертолет взмыл вверх, заложил крутой вираж в сторону моря и быстро скрылся в нескончаемой череде рваных низких облаков и густого серого тумана.

ГЛАВА 1

Герман Талеев медленно ехал по недавно заасфальтированной дороге к своей подмосковной даче, расположенной на самом краю небольшого лесного массива. Он редко бывал здесь. Гораздо реже, чем хотелось бы. Несмотря на очевидную публичность своей профессии – Талеев был журналистом, – он любил тишину и уединение.

Сегодняшнее посещение этого «благословенного приюта холостяка» оказалось неожиданностью для самого Талеева: ему позвонил человек, самая вежливая просьба которого являлась для Геры неукоснительным приказом – не столько в силу служебной подчиненности, сколько из чувства глубокого уважения к личным качествам позвонившего. Никогда за много лет знакомства, постепенно переросшего в дружбу, они не встречались на людях. Этого требовала строжайшая конспирация, абсолютно необходимая в деле, которому Талеев посвятил лучшие качества своей неординарной натуры. И это была не журналистика...

Герман являлся одним из непосредственных командиров загадочной и таинственной организации, которую сами ее участники именовали просто Командой. Другого названия у нее не было. Да и кому оно могло понадобиться? Ни один документ не подтверждал реальность ее существования. Никаких приказов и распоряжений, отчетов о проделанной работе и платежных ведомостей. Отсутствовала даже утвержденная внутренняя структура. Из всего дюжины штатных сотрудников с натяжкой можно было выделить трех командиров, которые имели непосредственную связь с Куратором. От него они получали задания, и дальнейшая свобода их деятельности не ограничивалась практически ничем. Однако при такой кажущейся внешней призрачности решаемые Командой задачи были вполне реальны и жизненно необходимы. Команда действовала там, где заканчивались полномочия официальных властных и силовых структур. Причем использовала методы, зачастую вступающие в явное противоречие с официальной правовой доктриной и даже, случалось, общепринятыми морально-этическими принципами.

По большому счету на Команду работала вся мощь государства. В ее распоряжении были ресурсы всех силовых структур. К проводимым ею операциям привлекались сотрудники любого ведомства, даже не подозревая об этом. Чаще всего эти люди были абсолютно уверены, что работают на «смежников» – ФСБ, МВД, ГРУ, – тем более что приказы о привлечении всегда исходили из таких заоблачных высот кремлевской власти, куда за разъяснениями или подтверждениями никто не рискует обращаться.

О существовании Команды знали точно два человека. Причем первый никогда не вмешивался в ее работу, а лишь признавал и поддерживал необходимость самого присутствия этого подразделения в таком беспокойном пока еще мире. Это был Президент России. Вторым был Куратор. Владимир Викторович Алексахин, бессменный помощник Президента РФ. Человек, на встречу с которым ехал сейчас на свою собственную дачу журналист Талеев.

* * *

Гера пошарил рукой в «бардачке»: ключ от въездных ворот дачи всегда лежал там. На этот раз найти его не удалось. Он попытался вспомнить, когда последний раз посещал свое загородное прибежище. Кажется, месяца три назад вместе с Сергеем Рединым. Или это Гюльчатай уговорила его отдохнуть на лоне природы? А, плевать. Придется вылезти из машины, зайти в дом и взять висящий на гвозде запасной ключ.

Никаких сверхсекретных замков на даче у Талеева не было, зато установлена надежная сигнализация с видеокамерами и датчиками движения, заведенная на пульт опорного

пункта милиции в четырех километрах отсюда. А еще сработает оповещение на его автомобильном навигаторе, подключенном к спутниковой системе слежения. Мало кто мог похвастаться такими «наворотами». Так ведь и журналист Талеев – не простой. Из всей Команды он единственный имел «официальное лицо», причем такое, которое «светилось» на всех этажах государственной власти. Он имел постоянную аккредитацию в Кремле, сопровождал первых лиц страны в их государственных визитах по всему миру, ему не отказывали в интервью ни самые медийные, ни самые закрытые лица.

Гера вышел из машины у незаметной калитки. Забор дачи был сплошной и высокий, но и сюда, на дорогу, проникал сильный запах свежеежаренного мяса, аромат специй и голубоватый дымок костра. Журналист громко кашлянул и открыл незапертую калитку. От мангала, расположенного слева от дома, к нему повернулся высокий подтянутый мужчина лет 45 – 50 в светлых поношенных джинсах и малюсенькой бейсболке с длинным козырьком на коротко стриженных седых волосах.

– По моим подсчетам, ты должен быть здесь уже 12 минут назад. – Голос встречавшего был негромкий, но очень четкий. – Небось поджидал за углом, пока шашлык не поспеет, чтобы самому руки не марать?

– Я просто не хотел лишать вас, Владимир Викторович, всей радости от приобщения к высокому кулинарному искусству. Где вы там, за своей многозубчатой стеной, живой огонек увидите, дымком поперхнетесь...

Помощник действительно закашлялся, сплюнул и погрозил Талееву кулаком:

– Еще и накаркал, прорицатель! – Тыльной стороной ладони он протер глаза. – Загоняй машину, и прошу к столу-с!

Под большим дубом у Талеева располагался длинный деревянный стол со вкопанными вокруг него скамейками. Сейчас весь стол был завален пучками разнообразной зелени и уставлен батареей бутылок с красочными этикетками. Гера неодобрительно покачал головой:

– А вот вы так и не даёте мне проявить истинно русское гостеприимство и хлебосольно встретить почетного гостя на территории...

Владимир Викторович перебил:

– Да-да, твоя личная территория! Я и так, наверное, сделал ошибку, появившись тут, но очень уж захотелось всего вот этого. – Гость широким жестом обвел поляну перед домом. – А все меры предосторожности я принял. Ты ведь и здесь никого не видишь, и по дороге не заметил.

Талеев прекрасно знал, что Куратор никогда не передвигается без соответствующей охраны и машин сопровождения. Он не считал себя вправе менять установленный порядок для высоких госслужащих. А охраны Гера действительно не заметил.

– Что ж, предадимся смертному греху чревоугодия!

* * *

Через час, сытые и довольные, они переместились в дом и устроились в гостиной у тихо потрескивающего камина. Талеев закурил неизменную черную тонкую сигару, а помощник перешел наконец к главной теме своего посещения.

– Мы с тобой давно не виделись, и я не имел возможности поделиться кое-какими интересными новостями. После событий на Шпицбергене¹ ты вскоре уехал с президентом в Вену, оттуда в Южную Америку. Да и сами-то новости были не теми, чтобы всерьез переживать, но они накапливались. А с какого-то времени меня начали одолевать смутные предчувствия...

¹ Об этих событиях рассказывается в романе М. Шахова «Гвардия президента».

Интуиция помощника президента служила притчей во языцех у всего государственного аппарата. И Талеев был знаком с ней не понаслышке.

– ...Остановлюсь на главных новостях, в хронологическом порядке. Помнишь, в деле с фашистским кладом в переговорах террористов упоминался «Альтаир»? Ты еще предположил, что это может быть базой на одном из островов архипелага? – Журналист согласно кивнул. – Норвежцы тогда с помощью НАТО организовали круглосуточное патрулирование катеров в этом районе. Террористы обнаружили себя сами. «Альтаир» оказался скорее перевалочным пунктом и существовать сколь-нибудь длительное время автономно просто не мог. Бандиты решились на прорыв судоходной блокады. Вероятно, у них не было точных данных о количестве задействованных в операции сил блока, иначе не поперли бы на рожон. Им даже не дали далеко отойти от своего необитаемого островка. Из 25 человек 22 были уничтожены на месте. Трое взяты в плен. Двоих отправили в лагерь на Гуантанамо.

Владимир Викторович не спеша поднялся с дивана, поворошил кочергой догорающие дрова в камине и плеснул себе немного коньяка в пузатый бокал. Вернувшись на место, равнодушно спросил:

– А кто был третий, тебя не интересует?

– Боюсь вас разочаровывать, но, без сомнения, догадываюсь.

– И кто же?

– Пожалуй, сейчас во всем мире у меня есть только один «знакомый» живой террорист. Разумеется, не считая бен Ладена. А о незнакомом вы бы и спрашивать не стали. Так что третий – это Азер.

– Браво дедуктивному методу обожаемого тобой Шерлока Холмса!

Журналист раскланялся на все стороны, а помощник продолжил:

– Он оказался разумнее своего хозяина Салаха, а может, трусливее, и не ринулся очертя голову под пули и взрывы на шахту Грумант, а обходными путями сумел добраться до «Альтаира», справедливо рассчитывая на помощь, поддержку и «билет до Европы». Не срослось. А вот выжить и симулировать шизофрению получилось. И, надо думать, весьма талантливо. Потому что два или три консилиума местных психиатрических светил единодушно подтвердили: да, болен, тяжело и безнадежно. И оставили его у себя в специализированной клинике-тюрьме для особо опасных преступников.

– Могли бы мне хоть записочку черкнуть в Вену. Или в Бразилию с Венесуэлой. Все-таки почти мой крестник.

– Не мог, Гера. Потому что сам узнал обо всем этом совсем недавно. Черт бы побрал эту международную секретность и политкорректность!

– Значит, пустили козла в огород...

– Невысокого же, однако, ты мнения о европейских спецтюрьмах.

– Я высокого мнения о способностях Азера.

– Ладно, пропускаем события незначительные и малоинтересные. Переходим к апофеозу. Около месяца тому назад Азеру удалось совершить побег из этой лечебницы.

Талеев изобразил жест, который безошибочно можно было трактовать как «я и не сомневался».

– Об этом событии российское правительство уведомили официально.

– Уже достижение!

– Не иронизируй. В этом деле очень важны подробности, а вот как раз их-то и не было. Норвежские викинги всегда отличались неразговорчивостью и замкнутостью. Да-а-а... Что бы мы делали без наших хороших друзей в Моссаде? Видишь, какими окольными путями приходится добывать информацию...

– И недешево, наверно?

– Тебе лучше не знать. Так вот, эта тюрьма на норвежском острове числится на хорошем счету. Ни одного побега! И Азеру никогда не удалось бы вырваться оттуда самостоятельно, если бы не помощь извне. Нашлись заинтересованные люди, которые и провели всю организационную работу. Вычислили из числа среднего медицинского персонала одного служащего с незапятнанной репутацией и большим стажем работы в лечебнице. Его взрослая дочь обучалась в Сорбонне, вышла замуж за студента арабского происхождения и родила прелестную двойню. То ли молодые родители сами так решили, то ли уже на этом этапе вмешались «заинтересованные лица», но юная семья уехала на родину мужа в Ливию. Дальше – дело техники: элементарный и беспроектный шантаж здоровьем и жизнью дочери и внуков. Фельдшер беспрекословно выполнял все требования: кормил пациента нужными лекарствами, передавал подробные инструкции и т. д. В день «Х» Азера вывезли из лечебницы на вертолете норвежского Министерства здравоохранения, который, естественно, принадлежал террористам и на несколько минут опередил отправленный в клинику за настоящим тяжелобольным заключенным настоящий медицинский катер. Никаких следов, кроме брошенного на побережье вертолета, найти не удалось. Больничный фельдшер ничем не мог прояснить картину и повесился в КПЗ на руках собственной рубашки.

– Как элегантно! А главное, правдоподобно.

– Ты извини, Гера, у меня просто нет времени обсуждать нюансы. Эта новость меня очень встревожила, потому что я сделал элементарные выводы. Азер – это не Салах, и в масштабах международного терроризма фигура мелковатая. Зачем понадобилось проводить многоходовую – и недешевую! – операцию по его освобождению? Цель может быть одна: использовать Азера на том участке, где только он сможет принести максимальную выгоду своим хозяевам. И тут я вспомнил один существенный нюанс... – Владимир Викторович озабоченно посмотрел на наручный хронометр. – Ого, надо закругляться! Налей-ка, хозяин, чуть-чуть, а то у меня в горле пересохло от таких длинных речей. – Он подождал, пока будут наполнены рюмки. – Выпьем за вашу Команду. Чтобы работы у нее стало поменьше, а радостей побольше. И не только служебных...

– За нашу Команду!

Они дружно осушили рюмки, и Куратор продолжил:

– Так вот, о нюансе. Ведь Азер впервые появился на Мурманском городском рынке еще до того, как началась вся эта история со Шпицбергом. Появился практически ниоткуда, имея за спиной деньги и силу, в короткие сроки подмял под себя половину организованной преступности Кольского полуострова. Значит, его хозяева из «Аль-Каиды» уже тогда планировали серьезную активизацию своей деятельности в том регионе. Поэтому и был выбран Азер: бывший офицер Военно-морского флота России, химик-подводник по образованию, ярый националист в душе. Мне сейчас готовят скрупулезное досье на него. Но ясно уже то, что «Аль-Каида» не отказалась от своих планов. Поверь, Гера, готовится крупный теракт.

– А не риск ли, посылать Азера туда, где его знают?

– А кто знает? Вы – не местные, «повоевали» и уехали. Как крупная фигура в организованной преступности он еще не засветился и предпочитал всегда оставаться в тени. Да и логика, Талеев, вещь упрямая: только там Азер может быть максимально эффективен! Для того и вытаскивали именно его из норвежской психушки.

– Ну, в принципе не лишено правдоподобия.

Куратор хмыкнул:

– Знаешь, я ведь вначале хотел просто обговорить с тобой все эти подробности. Информация, так сказать, к размышлению. А теперь убеждаюсь, что надо конкретизировать свои опасения. Не так давно стало известно, что в городе Северодвинске Архангельской области на заводе СМП состоится торжественный спуск на воду новейшей подводной лодки. С тех пор, как во время перестройки развалили всю нашу промышленность, это первый выпуск корабля

такого класса для российского флота. Намечается грандиозный праздник, который еще и совпадает по времени с Днем рождения города. Дата круглая: Северодвинск получил статус города в 1938 году. Правда, тогда он назывался Молотовск. Будет много самых высоких гостей: министры, депутаты, флотская верхушка. Ну чем тебе не повод?

– Убедили, Владимир Викторович. Пусть даже это и не мурманская вотчина Азера. Да и сами данные о предстоящем спуске готовой лодки террористы действительно могли уже да-а-а-вно получить по любым каналам. И начать свою «подготовку».

В такт всем словам журналиста Куратор согласно кивал, потом негромко проговорил:

– А теперь уже и не секрет, что на спуске будет присутствовать Президент России.

– Что-о-о-о?! – не сдержался обычно прекрасно владеющий собой Талеев. – Это недопустимо!

– Прикажешь мне так и объявить президенту?

– Ну, как-нибудь, во время встречи без галстуков... С применением всех ваших обязательных парламентских уловок... Слегка приоткрыть...

– Не переоценивай моего влияния на этого человека. Он не откажется, даже если десяток бен Ладенов закажут себе билеты до Северодвинска.

– Тогда я не знаю, – развел руками журналист. – Может, мне с какой-нибудь статьей выступить, а? Разоблачить, предупредить...

– Зато я знаю. И в данном случае это уже будет моим тебе прямым приказом. Ты возглавишь, так сказать, вторую линию охраны президента. Впрочем, думаю, что это будет первая – и главная – линия. Штатная охрана президента и все силовые структуры будут осведомлены о твоём особом статусе. Неизменным останется и «красный код».

– Слушаюсь! – ответил Талеев в абсолютно несвойственной ему манере, что было вызвано, наверное, предельной серьёзностью положения.

– Я понимаю, Гера, что такое задание никак не вписывается в «репертуар» Команды, но ты и ребята видели Азера воочию, сможете опознать.

– Владимир Викторович, я понимаю, что о строительстве и готовности новой лодки без труда можно быть осведомленным заранее. Это процесс длительный, завод большой, многое на виду... А вот как можно точно рассчитывать на визит президента?

– Ну, здесь своя «кухня» имеется. Конечно, точную дату и время поездки никто вслух заранее не оглашает. Да ее и просто нет, за исключением каких-нибудь официальных государственных визитов. А вот очень верные косвенные признаки существуют всегда. Представь: в «Новостях» показывают, как президент общается с шахтерами где-то на Урале. Но это лишь одна (и далеко не всегда главная) причина визита. За несколько часов он успевает получить ворох конкретной информации: и о строительстве какого-нибудь нового комбината в этом регионе, и о положении дел в высшей школе, и об обеспечении квартирами льготников и очередников... Так вот, проблемы, доведенные до президента таким способом, практически всегда разрешаются в самое ближайшее время. А те же бумаги будут месяцами и годами ходить по инстанциям без особой надежды. Так что для многих руководителей такой контакт с главой государства, возможно, единственная надежда. А чтобы ее воплотить, у руководителя будет минуты полторы, а то и меньше! Значит, подробные бумаги должны быть подготовлены заранее. Вот затем и есть у каждого регионального начальника свое лобби в Думе, Сенате, в правительстве. Они поднимают вопросы, «продавливают» их, согласовывают, выстраивают по порядку... И рано или поздно получают намек, что, мол, не дергайтесь, скоро в «ту степь» САМ поедет, тогда и... А вы готовьтесь. Поверь мне, без такого заблаговременного известия половина проблем на местах решена не была бы! Вот и прикинь, сколько человек на всех уровнях еще за несколько недель осведомлены о предстоящем визите. Это я заранее отвечаю на твой вопрос о возможной утечке информации и эффективности ее обнаружения. Ну как, я понятно объяснил?

– Безусловно! Думу, правительство, партии – к стенке! А если серьезно, при такой организации не имеет никакого смысла пытаться до чего-то у вас там докопаться.

– И, несмотря на это, «у нас внутри» работает определенная служба. Успехи случаются чаще, чем ты думаешь. Но не в нашем теперешнем случае. Поэтому я и беседую с тобой. До торжественного спуска осталось четыре дня. Ты полетишь в Архангельск уже сегодня ночным рейсом. Билеты заказаны. Там тебя встретят и довезут до Северодвинска, это 35 километров.

– Да-да, Владимир Викторович, я знаю. Провел в тех местах несколько дней в приятной компании с Рединым. Помните дело о доставке урановых стержней в Обнинск?

Куратор покивал:

– Кстати, я тут выяснил, что твой друг будет присутствовать на торжествах. Он же теперь заметная фигура в Комитете по контролю за сбором, захоронением и утилизацией ядерных отходов, а в Северодвинске такие работы постоянно ведутся. Так что это его хлеб. А тут сам президент...

– Спасибо за подарок! Признайтесь, ведь это вы подсуетились, а?

Куратор даже фыркнул, обиженно и ненатурально:

– Не царское это дело...

– Еще раз спасибо, шеф! А кто еще...

– У тебя карт-бланш. Возьми из Команды любого, «можно даже двух!» – Владимир Викторович продекламировал слова из песни Высоцкого.

– А трех?

– Это, конечно, Вадим с Анатолием и Галина Алексеева?

Журналист только со скромным видом развел руками.

– Билеты на самолет заказаны и на твою Гюльчатай. Встретитесь в аэропорту. В курс дела введешь ее в полете.

– Да вы волшебник, шеф!

– Ребята будут встречать вас в Архангельске. Толя уже там, а Вадим прилетит за полчаса до вашего рейса.

– Ну, Владимир Викторович, ну... слов нет!

– Это у тебя-то слов нет?.. Ладно-ладно, все я понимаю. И вовсе не о твоем комфорте пекусь. – Нарочитая строгость и сведенные брови Куратора не могли обмануть и ребенка. – Прежде всего забочусь о себе. Ты мне еще нужен! А попробуй не дай тебе Гюльчатай, а? Да-да, и не кивай! Ты-то, может, и обойдешься, хотя вряд ли, а вот Галина... Она девушка восточная, пылкая, может и не простить. Ее, кажется, где-то на советско-афганской границе нашли?

– Да, под Гератом. Наш спецотряд возвращался с задания и наткнулся на умирающую девочку лет двух-трех. Представляете, высоко в горах, на десятки километров вокруг никакого человеческого жилья, и – ребенок с почти смертельной огнестрельной раной, истощенный, обезвоженный. Как выжила – уму непостижимо. И все бормотала: «Гю-иль!» Так и стала Гюльчатай.

– Зато теперь на четырех или пяти языках говорит, и боевая подготовка лучше, чем у любого профи-спецназовца! А красавица... И чего только ей какой-то ловелас-журналист приглянулся, не знаешь?

– Ну, разве можно что-то скрыть от Куратора?! Только вовсе уж не ловелас! И отношения у нас, как у командира с подчиненным. В основном... – гораздо тише добавил Талеев.

– Ну и дурак! – еще тише проговорил помощник.

– Что-что вы сказали? – переспросил журналист.

– А? Нет, ничего. Говорю, что КПД вашей четверки просто поразителен! А с добавлением Редина мне всерьез начинает казаться, что в реальном мире нет проблемы, которую вы не смогли бы решить. – Он встал, подошел к камину и протянул к огню руки. – Ну вот, что-то

меня на комплименты потянуло. Старею, брат, старею. Да и расслабил ты меня великолепным коньячком, природой...

Журналист очень серьезно ответил:

– К сожалению, Владимир Викторович, тот мир, с которым нам приходится бороться, трудно назвать реальным. В нем господствуют извращенные законы и перевернутые принципы. Так что и ваша уверенность может оказаться...

– Моя уверенность, – резко перебил куратор, – останется незыблемой, пока границы НАШЕГО мира защищает Команда!

В гостиной повисла тишина. Нарушил ее сам помощник:

– Эти четыре дня уйдут у вас на то, чтобы попытаться отыскать в городе следы Азера, вычислить место, время и способ проведения теракта. И предотвратить его. Ну а главная задача, конечно, – безопасность президента. – Он задумался, негромко вздохнул и очень тихо добавил: – По крайней мере, постарайтесь избежать жертв.

ГЛАВА 2

Глубокой ночью друзья подъезжали в представительской машине ФСБ к Северодвинску. Их было трое. Уже в аэропорту Талеев получил короткое сообщение на свой ноутбук, что в силу временно непреодолимых причин Вадим вынужден немного задержаться. Максимум на сутки.

– Жаль, – искренне огорчился журналист. – У нас просто куча рутинной работы, каждый человек на счету.

– Патрон, это он специально. – Анатолий – молодой мужчина лет тридцати пяти, высокого роста, с поразительно спокойным взглядом серых глаз – сидел впереди рядом с водителем. – Вадька нюхом чует всякую рутину и предпочитает самому не копаться в... вот и смастерил себе отмазку. Увидишь, придет время пострелять или ножички покидать – он тут как тут.

– Толя! Я уже устал с вами бороться по поводу обращения ко мне. Смирился с «шефом» и «командиром», с «боссом» и «патроном». Как угодно! Но при нашей теперешней легенде давай на время сохраним лишь «командира» и «полковника». А то ведь вовсе неправильно поймут в тех кругах, где нам предстоит общаться и работать. А если президент услышит?

– Позавидует. Его же так почтительно никто не назовет. Подумаешь, «господин...»! Но вот с «полковником» я не согласен. Меньше, чем генералом, ты просто по статусу не можешь быть.

– Ге-не-рал... – Гера попробовал слово «на вкус». – Звучит, но в контексте требует «господина». Длинно. Тем более что я все-таки журналиста, среди присутствующих меня кое-кто знает. Остановимся на «командире». А ты что молчишь, Галчонок?

Сидящая слева девушка трянула головой, откидывая со лба прядь великолепных густых волос, окинула его взглядом больших черных глаз:

– Никаких проблем, командир!

С переднего сиденья чуть обернулся шофер:

– Подъезжаем. Товарищ... генерал, вас куда: в нашу спецгостиницу или в обычную?

Галя прыснула, а Талеев солидно распорядился:

– Остановимся пока в обычной. Надо быть ближе к простому народу.

* * *

«Город Северодвинск, как большинство закрытых городов, вполне можно отнести к моногородам, то есть к таким, жизнь которых зависела от функционирования какого-либо одного профильного предприятия. Здесь таких было два. Крупнейший в стране судостроительный завод СМП, специализирующийся на выпуске современных атомных подводных лодок, и судоремонтное предприятие «Звездочка», занимающееся в основном ремонтом тех же подводных лодок...

...Позади остались суровые годы перестройки, когда оба эти градообразующие предприятия находились на грани полного развала. Уже несколько лет, как благодаря государственным субсидиям и инициативе руководства города и предприятий производство пошло в гору. Появились заказы на строительство и модернизацию подводных и надводных судов не только для России, но и для других стран. С появлением денег вновь заработали цеха по ремонту. Значительно активизировался мелкий и средний бизнес: кафе, закусочные, бары, всевозможные магазинчики, центры бытовых услуг. Жизнь двухсоттысячного города восстанавливается...»

Почерпнув такую информацию из Интернета, Талеев тяжело вздохнул: вряд ли им сейчас на руку этот расцвет мелкого предпринимательства, эти возрождающиеся рынки и все прочее.

Вон и население каждый год растет: минимум за счет собственного «воспроизводства», а в основном из-за приезжих «трудовых ресурсов». Знаем, проходили. Половина действительно устраивается на заводы, а вот другая половина... Завтра в архивах милиции наверняка увидим существенный рост преступности. Никаких проблем с внедрением в город у криминала нет.

Но бумажных протоколов будет недостаточно. Надо пройти по всем точкам, почувствовать, как и чем они живут. Толю отправим в местное отделение ФСБ, как полковника из Москвы. Пусть добывает информацию. Мы с Гюльчатой займемся милицией: она – в архив, я – к руководству за людьми. А сейчас спать, спать!

Был шестой час утра первого дня.

* * *

Гостиничный номер заливал солнечный свет. Пусть он был не такой яркий, как в полдень, и не нес настоящего июльского тепла, но поражал непривычных жителей средней полосы уже самым своим существованием в одиннадцать часов вечера.

– Командир, давай шторы поплотней задвинем, а то я как-то раздваиваюсь: чувствую, что смертельно устала к концу дня, а с другой стороны организм ни за что не желает расслабиться, пока этот «прожектор» над горизонтом висает. – Галина дождалась, когда Талеев кивнет, и добросовестно задернула тяжелые плотные шторы на большом, во всю стену, окне. Только потом она с видимым облегчением опустилась рядом с Анатолием на мягкий диван...

Снова втроем они собрались после долгих и утомительных визитов в запланированные «присутственные» места. Подробный отчет каждого из них уложился в десяток фраз и полминуты времени. А общий итог можно было сформулировать еще короче: никому не удалось пока обнаружить ни единой зацепки. Ничто не нарушало привычный уклад и размеренное течение жизни города Северодвинска! Не случилось ни одной приличной бандитской разборки, не исчезали таинственным образом никакие люди, а также документы с грифом «секретно», оружие у гибэдэдэшников, дубинки у постовых милиционеров или новейшие секретные разработки... А ведь все это было в наличии. Но не покусились...

Местный рынок был мал и неактивен. Ни малейшего намека не то что на передел, а и просто на раздел: на привычных местах торговали привычные субъекты с привычно налаженной «крышей» и фиксированной данью. Было отчего хмурить брови и с задумчивым видом вздыхать.

– Ну-ну, не киснуть! – В голосе Талеева не было наигранного оптимизма. – Как там, Толя, у вас, спортсменов, это называется? «Откатали обязательную программу».

– Фигуристы бы согласились.

– И это, безусловно, радует! Что у Гали в милицеевском архиве? Вон какие наглядные графики: сезонный рост, сезонный спад, и тишина в интересующем нас секторе, да?

– Я и сводки все, и донесения прочитала. В драках предпочитают применять ножи, в домашних разборках – охотничьи ружья. Два случая пистолетного огнестрела – не показатель: у одного разрешение было, от пьяных подростков отстрелялся, отделавшись легкими телесными, у второго – переделка из газового, кустарщина, как еще самого себя не прикончил... Взрывчатка – единственный случай, отобрали у браконьеров на Двине. Чисто промышленный экземпляр – ammonit, лет десять назад у геологов прикупил. – Алексеева замолчала и сожалеюще развела руками.

– Я понимаю, Толя, что тебе в ФСБ было труднее всех.

– Да чего ж там трудного? Вежливость, корректность, искреннее сожаление, что ничем не могут помочь «в связи с полным отсутствием фактов выраженной террористической направленности». Ведут постоянную работу в молодежных и националистических группировках. Поддерживают тесный контакт с военным Особым отделом... И вообще, добросовестно выпол-

няют все предписанные процедуры, связанные с подготовкой и обеспечением праздничных мероприятий. Дальше подобных «откровений» дело не шло ни в одном кабинете. Ну, ты понимаешь, командир, что о каком-либо экстраординарном случае они бы не рискнули умолчать, учитывая мои полномочия. А в детали рутинной работы предпочли не вдаваться. Кстати, весь отдел уже переведен на усиленный режим службы...

– Стоп, Толя, не убаюкивай! Все это я и сам могу продолжить по итогам моего визита в управление МВД. Бомжи бомжуют, «синяки» синеют, а немногочисленные ряды жриц свободной, но платной любви возмущенно ропщут на недостаток богатых клиентов. Руководству я посоветовал выделить по сотруднику управления в помощь каждому участковому и за двое суток обойти все значные места в городе, «нехорошие» квартиры и т. д. и т. п. При малейших сомнениях, неувязках, подозрениях немедленно докладывать сюда нам. Да... В принципе из «обязательных» осталось одно место – завод. Его бы еще сегодня Вадим взял на себя, но придется, видно, мне уже завтра разбираться. Вместе с Гюльчатой. Она в отделе кадров займется списками недавно принятых на работу.

В это время из раскрытого на столе ноутбука послышался мелодичный негромкий сигнал.

– О, – журналист посмотрел на монитор, – посылочка от Куратора. Видно, нет времени выходить на видеосвязь. Сейчас откроем... Так, Вадим будет у нас завтра утром. А все остальное – это материалы на Азера. Негусто! Подсаживайтесь к столу, вместе просмотрим.

Действительно, это было обычное личное дело советского военнослужащего-офицера.

Азер-паша оглы Сиятов, азербайджанец, родился в Баку в семье инженера-конструктора и преподавателя музыки.

– Я думал, что Азер – это кличка. – Толя покрутил головой. – А оказывается, имя!

Учился в русской школе. Родители отца и вся его родня проживали в Нагорном Карабахе, там же и погибли во время столкновений на этнической почве. Вместе с ними погиб отец Азера, который гостил у родных.

– Война там была самая настоящая! – Гюльчатой словно проснулась. – Какая подлость все списывать на армяно-азербайджанский конфликт! В том котле люди десятков национальностей варились. И русские в их числе. Вырезали людей не просто семьями, а целыми аулами. Там до сих пор «головешки тлеют». Может, именно там следует искать начало перелома, который произошел в душе подростка?

– Тогда уж явно не без помощи родителей. Кстати, мать... а, вот: «умерла от инфаркта, когда сыну исполнился 21 год».

После школы поступил в Бакинское высшее военно-морское училище. Отличник. Знает кроме русского азербайджанский, турецкий, английский языки. Понимает многие горские наречия. Окончил химический факультет, специализация – радиометрия, радиология. Назначен начальником химической службы на одну из АПЛ Северного флота. Через 8 лет уволился в запас по состоянию здоровья (?) в звании капитана 3-го ранга.

Прилагается пять аттестаций, написанных, как под копирку. Ни пятнышка на блестящей репутации.

Был женат с момента окончания училища и почти до увольнения в запас. В настоящее время разведен. Детей нет. Жена, бывшая: Тамара Мизина, уроженка пос. Первомайский, русская.

И ни строчки о дальнейшей судьбе! Если Куратор не смог ничего раскопать, значит, действительно, ни в каких «анналах» этот человек не был зафиксирован.

– Ну, как вам?

На вопрос Талеева Анатолий только презрительно хмыкнул, а девушка поинтересовалась:

– За восемь лет службы в личном деле отмечены пять... нет, шесть войсковых частей с указанием только срока службы в каждой. От нескольких месяцев до двух с половиной лет. Это нормально?

– Да, Галчонок, нормально. Особенно в период развала флота, когда единственные носители знаний и опыта – офицеры – толпой повалили на гражданку. И никто их не задержал! Такие специалисты, как Сиятов, были на вес золота. Вот и кидали их с одной АПЛ на другую, чтобы обучить молодежь или в плавании обеспечить надежную эксплуатацию техники. Вообще, по поводу флота и училища какие-то подробности может поведать Редин, когда появится. Конечно, самые общие, и вряд ли имеющие прямое отношение к нашему объекту. Могу лишь добавить, что первые контакты с представителями террористических структур были возможны еще в период обучения: в бакинском училище получали образование представители 40 различных государств, преимущественно африканского и азиатского регионов. Я лично видел документальные материалы, в которых утверждается, что в «высшем руководстве» современных сомалийских пиратов сейчас стоят 40 – 50-летние выпускники именно бакинского училища!

– Неслабо! Отличная школа. Вот почему с ними справиться никак не могут. А зачем пиратам химика, патрон? Ром дегустировать, да?

– В Баку профильным факультетом был штурманский, невежда! Вот они и ориентируются в море, как ты в своей квартире. А кроме рома, тебе ничего эти документы не навяли?

Толя пожал плечами:

– Разве что обильно пахнуло духом глубокого советского застоя.

– Думаю, и сейчас у военных мало отличий в плане кадровой бюрократии. Я тоже ничего не могу выжать из этого. – Гера махнул рукой на монитор. – Вот только... – Он замолчал.

– Ну-ну, командир! Формулируй! – с надеждой посмотрела на него Галя.

– Нет, ребята. Просто мелькнуло что-то неуловимое. Когда о жене читал. Зачем развод? Не понравилось, что муж военную службу бросает? Так по здоровью же. Или из-за отсутствия детей? Но восемь лет брака позади, свыклись, притерлись, не жалко? Ты, как женщина, что об этом думаешь?

– Для развода в каждой семье тысячи причин. Меня больше удивляет не конец, а начало.

– Начало чего?

– Брака. Она же русская, из глубинки. Для Азер-паши оглы такая жена – нонсенс. Где они вообще могли встретиться? Так... «родилась в пос. Первомайский». Да их в России не один десяток! И в наших бывших республиках не меньше.

– Значит, надо этот момент прояснить. – Журналист порылся в своей сумке. – Кто видел мой атлас?

Анатолий и девушка улыбнулись: привычка – или причуда – их командира везде носить с собой подробный географический атлас была прекрасно известна обоим.

Наконец Талеев обнаружил пропажу на прикроватной тумбочке и углубился в изучение. Ему не мешали. Время перевалило за полночь, Галина и Анатолий разошлись по своим номерам. Только Гера, ни на что не обращая внимания, с каким-то ожесточением листал страницы толстого издания взад и вперед. По его шевелящимся губам можно было отчетливо разобрать не слишком лестные отзывы в адрес и составителей атласа, и, вероятно, самих землепроходцев.

* * *

Около трех часов ночи незапертая дверь в номер Алексеевой без стука распахнулась. Внутри, как ураган, ворвался Талеев и напрямик направился к кровати девушки.

– Галка, Галка! Да поднимайся ты уже! – Он положил ладонь на прикрытое тонкой простыней плечо.

Девушка дернулась, глаза ее широко распахнулись и непонимающе уставились на неожиданного ночного гостя. Было видно, что она успела крепко заснуть.

– Смотри, ведь это многое меняет. – В руке возбужденного журналиста был все тот же атлас.

Галина приподнялась на кровати, оперлась спиной на объемную подушку и придержала рукой сползающую простыню. Она еще ничего не понимала. Талеев взял со стула легкий спортивный свитер и протянул ей:

– Накинь и смотри. – Он сел прямо на покрывало в ее ногах. – Это карта Архангельской области. Я понял, что меня тогда заинтересовало в деле Азера: это упоминание, что его жена родилась в пос. Первомайский. Я видел это название на какой-то карте, но никак не мог вспомнить где.

– Гера, – девушка уже надела спортивный костюм, – успокойся, я все помню. Я еще сказала, что таких поселков в стране десятки или сотни.

– Я с лупой разглядел каждый миллиметр карты: нет ничего «первомайского». Но я же помню: видел!

– В любом другом регионе нашей обширной Родины...

– Нет-нет, меня просто не могли интересовать другие регионы. И я вспомнил! Еще в Москве, получив задание от Куратора, я, как обычно, захотел сориентироваться на карте, но ее на даче не оказалось. И тогда я влез в Интернет.

Жестом заправского фокусника Талеев извлек откуда-то из-под полы длинной вязаной кофты свой плоский ноутбук и открыл крышку. На экране была та же географическая карта Архангельской области.

– Смотри сюда. – Он потыкал пальцем куда-то рядом с большим красным кружком и крупной надписью «Архангельск». – Вот: ПЕРВОМАЙСКИЙ!

Галина согласилась:

– Ну и что?

– А вот здесь? – Журналист протянул ей атлас.

Девушка внимательно рассмотрела тот же квадрат на печатной карте. Ничего похожего на Первомайский там не было. Лишь чуть в стороне змеилась длинная надпись «Новодвинск».

– Какое-то странное расхождение, – задумчиво протянула Галина.

– Все это и сбilo меня с толку. Сколько же я ковырялся в этом... когда вы спать ушли. Никак не мог концы с концами связать. А подвела меня излишняя вера в непогрешимость Великой Мировой Паутины. Не буду интриговать, скажу, что мне удалось накопать в десятках разных сносок и отсылок: выложенная в Интернете карта была взята из каких-то старых источников и ни разу не корректировалась. Поэтому ты и видишь пос. Первомайский. Но этот населенный пункт перестал существовать в 1977 году, когда был переименован в г. Новодвинск! А мой атлас значительно новее, там все соответствует реалиям сегодняшнего дня. Так что Тамара Мизина родилась в Новодвинске. А это в 20 км от Архангельска, 40 км от Северодвинска и совсем рядом – километрах в пяти – от крупного железнодорожного узла Исакогорка. Вот!

Галина еще минуты три сравнивала две карты, потом подняла взгляд на Талеева и второй раз произнесла:

– Ну и что?

– Как это «что»? По-твоему, совпадение, что она родом из этих мест?

Девушка грациозно повела плечом:

– Для меня лично этот факт лишь снимает вопрос, где она с Азером могла познакомиться: тут все рядышком. Было бы трудно объяснить их встречу, если бы поселок Первомайский ты отыскал на Сахалине. Это во-первых. А во-вторых, с чего ты решил, что именно в этом Первомайском и родилась Мизина? Насколько я помню, нигде в личном деле его месторасположение не уточнялось.

– И ты всерьез считаешь, что подобное совпадение может иметь место? А как же «совпадений не бывает»?

– Ну что ты меня пытаешь? Ведь я прекрасно вижу, куда ты нацелился. Да, я, безусловно, согласна, что этот Первомайский-Новодвинск необходимо проверить: где родилась, как прошли первые 18 лет жизни, друзья, родственники... По полной «произвольной программе».

Гера наклонился и громко чмокнул девушку в щеку:

– Умница ты моя ненаглядная! С самого утра я туда и отправлюсь.

– А...

– А ты – в отдел кадров завода! Дай бог, чтобы нужные нам подробные списки принятых на работу тебе удалось к вечеру составить. Трудись.

– Возьми хоть Толю с собой.

– Пожалуй, так и сделаем. Нечего ему тут штаны просиживать. – Талеев заметил, что Галина украдкой зевнула. – Спи-спи, я ухожу.

Он заботливо прикрыл девушку простыней, провел рукой по волосам и поцеловал в лоб. Потом, осторожно ступая, вышел из номера и бесшумно прикрыл дверь.

Начинался второй день...

ГЛАВА 3

Прямо из гостиничного номера журналист позвонил в управление МВД и попросил сообщить данные о месте рождения (и проживания) Тамары Мизиной; возможно, по мужу Сиятовой. Уже через час он получил всю информацию, каковой на данный момент располагали силовые структуры региона. Сведений было немного, но и они показывали, что поиски Команды в этом направлении не оказались напрасными.

– Командир... – Гера с Анатолием подъезжали на радиофицированной спецмашине МВД к Новодвинску. – Если мы сейчас что-нибудь интересное накопим, давай прибережем это для нашего циркового друга. Он уже через пару часов появится. Сделаем ему приятный подарок: ты бы знал, как еще в Мурманске, по делу о шпицбергенской находке, он рвался отрабатывать женскую линию! Называл это: поработать по «ля фамам»! Все-таки у него какое-то особое отношение к женщинам. Не зря же и номер такой... специфичный работал в цирке.

Вообще, в Команде не было принято распространяться о своей «предыдущей» жизни, но друзья знали, что Вадим много лет выступал на цирковых подмостках в качестве эквилибриста, жонглера, коверного и метателя кинжалов. В его большом номере «Дом летающих кинжалов» кульминационным был эпизод бросания ножей в девушку, одетую в белые развевающиеся одежды невесты и фату. Вадим с завязанными глазами девятью ножами пригвождал ее убранство к деревянному щиту.

– Непременно так и сделаем. Если только от нас не потребуются каких-то немедленных действий. – Талеев посмотрел в боковое окно. – Вроде по описаниям вполне приличный город с населением около 40 тысяч человек, а на вид – дыра дырой.

С водительского места откликнулся шофер:

– Так в центре все действительно по-современному, а по адресу, который мне дали, сплошные старые дома. Сюда со времен поселка Первомайский ни строители, ни ремонтники не заглядывали. А нам еще и дальше вперед надо проехать. Да что там может быть? Лес или болото...

Разбитая грунтовка действительно отворачивала вправо, к виднеющейся вдалеке рощице. Несмотря на сухую и солнечную погоду, на дороге там и тут виднелись грязные лужи. Водитель, чертыхаясь, объезжал их, как мог, пока не притормозил у неброского частного дома с невысоким забором.

– Приехали, товарищ генерал!

– Из машины не выходить! – приказал Талеев шоферу, а сам вместе с Анатолием не спеша двинулся в обход забора.

Дом выглядел нежилым. Два окна из четырех были заколочены, а ведущая от калитки тропинка заросла свежей травой. Сама калитка оказалась лишь неплотно прикрыта, что позволило друзьям беспрепятственно подойти к дому. Ступени крыльца были заметно стоптаны, а козырек над ним изогнулся и провис. Однако входная дверь оказалась плотной, прочной и закрытой на внутренний замок. Анатолий попытался что-нибудь разглядеть внутри через незаколоченные окна, но стекла были грязными, освещение скудным, и, кроме нечетких силуэтов какой-то мебели, ничего видно не было.

На участке слева от дома располагался приземистый сарай. Теперь такие строения все чаще используют в качестве гаража для автомобиля, но тут не было никаких следов от колес. Решив войти внутрь, Гера взялся за большую железную скобу, заменяющую дверную ручку, и тут же услышал крик:

– А вам чё здесь надо, а?

Оба мужчины обернулись на голос, раздавшийся с проезжей части дороги, и увидели крупную женщину в ярко-красной непромокаемой куртке и высоких резиновых сапогах. Опиралась она на крепкую суковатую палку.

– Чё надо, я спрашиваю? – повторила женщина.

Ближе к грозной блюстительнице порядка оказался Толя. Он и заговорил, убедительно и неторопливо:

– Мы, видите ли, специально приехали из города, чтобы... э... на месте... посмотреть...

– А-а-а, так вы от Томки?

Анатолий взглянул на командира и кивнул.

– Во девка безалаберная! Сколько раз ей говорю: предупреди! Так нет, все по-своему. Я что ж, должна целными днями тут гулять? Не девочка, чай.

Женщина действительно была немолодой.

– Мой-то дом во-о-о-н там, – она махнула рукой вниз по улице, – а больше близких соседей-то и нету. Екимовы в прошлом году уехали, – она указала на соседнюю слева основательно покосившуюся избушку, – а Матрена с полгода, как умерла... – Матрене, видимо, принадлежал домик справа.

Талеев с вежливым видом слушал.

– Вот я и говорю: предупреди, – продолжала женщина. – Э-эх! Вам дом-то для прожитья иль как дача? А может, коттеж строить иль для земли?

Первым разобрался в ситуации Талеев:

– Мы, уважаемая, для того сюда и приехали, чтобы на месте определить: можно ли дом отремонтировать или надо будет все заново сооружать. Тогда и решим, стоит ли покупать. А насчет ключа с Тамарой мы и не договорились.

– Ну, это дело поправимое, – проговорила соседка, а потом вдруг с подозрением поинтересовалась: – Как же это вы с Томкой встречались, а ключ она вам не передала, а?

Но смутить журналиста было не так просто:

– Разве я говорил, что мы встречались с Тамарой? Она объявление в газетах напечатала, мы прочитали и позвонили ей по телефону.

– Ох, не люблю я эти живопырки... Не пользуюсь никогда. Да и слышать последнее время плохо стала. Обычно-то Томка людей сюда присылает со своими ключами. Вот они и ходят-бродят, сколько захотят. Осматривают все, прикидывают. Иногда даже ночевать остаются, чтобы на ночь глядя не тащиться в свой город. Да никто пока не купил домишко. Я ведь Томке-то, дуре, сразу сказала: «Не найдешь ты покупателей! Никто не поедет в такую развалюху, да еще на краю земли». Оставалась бы сама тут жить, так, может, чего и сохранила. Но разве молодежь здесь усидит?! Быстренько в город на завод усвистала. Хотя понятно: привыкла ведь ко всем городским удобствам.

Разговор с такой интересной собеседницей стал сейчас для Геры чуть ли не важнее осмотра дома.

– А ведь мы по телефону-то даже не поинтересовались у Тамары Николаевны, где она работает, где живет... Обмана бы какого не вышло!

– Ну, какой же тут обман?! Все на виду. Да и завод-то в Северодвинске один, где ж ей еще бухгалтершей-то работать? А ключи запасные лежат в водостоке, который над крыльцом. Открывайте, смотрите, может, чё и надумаете.

– А сарай?

– Да на связке все ключи есть. Даже от подпола и кладовки.

– Ну, вы не просто женщина, вы – настоящий клад! А что, если не секрет, такое случилось, что Тамара Николаевна уехала отсюда и дом продает?

И опять Талеев очень точно определил психологический момент и особенности характера женщины: ей вовсе не хотелось расставаться с обходительными приезжими, а длительное молчание так и подмывало высказаться.

– Сначала ведь старая Никитична померла. Ой, да какая ж старая? Она меня-то лет на десять моложе! Это мать была Томкина. Вдвоем они тут все время и жили...

– А муж где был, отец Тамары? – Талеев понял, что перебивать словоохотливую женщину было вполне допустимо. Это не сбивало ее с толку, а, наоборот, могло придать движению мысли новое, интересное направление.

– Так не было его вовсе. Никому про него Никитична ни единого слова не рассказывала... Ой, да ладно, скажу уж! Вы люди, судя по всему, приличные, уважительные... Мамаша Томкина на наш Север вовсе девчонкой попала. – Женщина перешла на громкий шепот. – На зоне она тут сидела, под Неноксой, за какие-то грехи юности. Говорит, четыре года отсидела ни за что, а на свободу вышла уже с младенцем на руках. Во как бывает-то! И никуда не уехала, осталась работать на цементном комбинате в нашем Первомайском. С Божьей помощью дом выправила, всем селом помогали строиться. Другие люди раньше были...

– Так с дочкой и жила?

– Ага. На мужиков не заглядывалась. Может, конечно, иной раз и любилась с кем – как же бабе-то молодой без этого, – но замуж ни-ни! Все дочку растила. А та красавицей получилась и умницей. Школу окончила и в техникум бухгалтерский пошла в Архангельске. Потом этого встретила, мужа своего. Имя такое чудное, не наше: Паша€ какой-то. Из восточных он, и, наверное, знатного рода. А здесь где-то офицером морским был. Красавец! Я его один раз видела. Это когда они с Томкой после свадьбы к матери заезжали. Три дня повеселились и куда-то под Мурманск укатили. Там Паша€ служил. Так вот, за прошлый год Никитична и померла. Рак легких. На нашем цементном комбинате многие так кончают. Томка приехала, мать богато похоронила, дом на себя оформила – и назад, к мужу. Но беда разве в одиночку приходит? С Пашо€й какой-то разлад вышел, и развелись они. Куда девке податься? Вернулась обратно в родительский дом. Да разве ж тут можно жить или судьбу свою устроить?! Вот она и уехала в город, бухгалтершей на завод. Пока где-то квартиру снимает, а как дом продаст, купит себе там жилье. Может, что и сладится. Вдруг вы купите?

– А много народу уже приезжало дом посмотреть?

– Вы пятые будете. Каким сразу не нравилось, какие цену не давали. Это мне Томка сама потом рассказала; она продешевить никак не хотела, иначе в городе квартиру себе не купишь.

Слушал Талеев внимательно и заинтересованно, несмотря на непривычный, «рванный» ход повествования. Теперь он справедливо надеялся, что осмотр дома даст еще больше поводов для размышлений и выводов.

Так, в общем, и произошло. Но сначала журналист отошел в сторону и вытащил мобильный телефон.

– Галчонок? Слушай внимательно: выясни в отделе кадров, работает ли на заводе Мизина Тамара Николаевна. С какого времени, на какой должности, ну и все официальные подробности. Может, она пользуется фамилией Сиятова... Нет! Категорически никаких контактов! Очень осторожно... Вечером обсудим. Конец связи.

Он вернулся к оставленной на дороге собеседнице.

– Простите, не знаю, как вас по имени-отчеству...

– Ой! – пожилая женщина смущенно махнула рукой. – Самая чё ни на есть Иванна. Так и зовите.

– Ну, хорошо, уважаемая Ивановна, значит, вы позволите нам воспользоваться ключами от дома, которые лежат в водосток, и осмотреть все внимательно, да?

Теперь женщина степенно кивнула и с гордостью добавила:

– У нас ведь электричество всегда есть! Включайте на здоровье. Мне-то ходить уже тяжело, так что я к себе пойду, отдохну. Ежели что, приходите, не стесняйтесь. Могу покормить вас. А ключ обратно положьте, когда все осмотрите.

– Непременно все аккуратно сделаем. Ради одной такой замечательной соседки можно уже и участок с домом приобрести.

– А вы осмотрите, проверьте все! У нас без обмана. Может, и правда соседями станем.

И Ивановна, опираясь на палку, медленно двинулась вниз по пустынной улице.

* * *

Гера и Анатолий начали осмотр с жилого дома. Среди общего запустения друзья быстро отыскивали следы не столь давнего пребывания людей. Их, похоже, и не собирались скрывать. На кухне-веранде валялись металлические банки из-под мясных и рыбных консервов, пустые молочные пакеты и целлофановые обертки. Стол был густо засыпан черствыми хлебными крошками, а в массивной чугунной пепельнице оказалось полно окурков.

– Тебе не кажется странным, Толя, что люди, приехавшие осмотреть дом с целью его покупки, не только поразительно не рассчитали своего времени и оказались вынуждены заночевать в нем, но и имели при себе просто классический для мужчин сухой паек?

Анатолий откликнулся из небольшой комнатки справа от входа:

– Думаю, что для настоящей «классики» не хватает бутылок водки.

– Это если «классика» – русская, – заметил Талеев.

– Зато мест «для лежания» явно больше, чем может потребоваться одному-двум усталым путникам: я уже насчитал четыре топчана, помимо дивана и раскладушки в главной комнате.

Ни в подполе, ни в кладовке друзья больше не нашли ничего интересного для себя. В небольшом сарае валялась вместительная садовая тележка и нехитрый инвентарь: лопаты, грабли, несколько тяпок, ведер и большая разохшаяся кадка. Уже направившись к выходу, журналист остановился, словно припоминая что-то, потом вернулся к тележке и внимательно осмотрел ее со всех сторон. Удовлетворенно хмыкнув, он аккуратно снял с обода колеса какой-то грязный клочок бумаги и спрятал в своем портмоне.

Вернувшись в дом, Талеев бережно развернул находку на столе под ярким светом переносной лампы.

– Смотри, Толя, какой интересный документ! Жаль, что сохранилась лишь небольшая его часть. – Журналист кухонным ножом осторожно соскреб слой грязи с поверхности листка. Стал виден типографский шрифт. – Ты знаешь, что это такое? – И, не дожидаясь ответа, объяснил: – Это дубликат накладной на груз. Его приклеивают прямо на этот самый груз при пересылке железнодорожным транспортом. Или иногда автомобильным. Можно разобрать, что станция отправления – Нижний Новгород, получатель – судоверфь Архангельска и Севмаш-предприятие... то есть Северодвинский завод СМП. А дату видишь? Около месяца назад. Вот само описание груза напрочь оторвано, хотя думаю, что это неважно.

– Почему? По-моему, это и есть самый главный вопрос: что за «посылочка» из Нижнего Новгорода?

– Толя! Нижний Новгород – это Горький, правильно? А там еще с середины прошлого века сосредотачивались предприятия среднего машиностроения, то есть оборонка. Кажется, еще Серега Редин мне говорил, что две трети «начинки» современной АПЛ производятся именно там. Это я к тому, что груз может быть какой угодно: крупные механизмы или мелкие реле и предохранители, насосы, компрессоры, километры кабелей или какие-нибудь лампы дневного света... Важен факт их отправки на северодвинский завод. Скажи, откуда на колесе садовой тележки из частного сарая в поселке Первомайский мог оказаться клочок такой накладной? Правильно! – проговорил Талеев. Хотя Толя ничего и не успел ответить. – Из того

места, где этот груз не просто проехал в вагоне по железнодорожным путям, а где он загружался, разгружался или перегружался.

Гера секунду помолчал, глядя, как Анатолий напряженно соображает.

– Сразу откинь начальный и конечный пункты...

– Так что тогда останется?

– Вот, не знаешь! Это потому, что вы все посмеиваетесь над моей привязанностью к географическому атласу.

– Нет, командир...

– А я еще вчера упоминал одну точку на карте, когда говорил о Первомайском-Новодвинске. И сейчас несколько раз прислушивался, пока мы обыск делали. Думаешь, к чему? Гудки паровозные я слушал. И слышал! Смотри: в накладной указано два пункта назначения – Архангельск и Северодвинск. Причем второй на 35 км дальше, а первый – чуть в стороне. Логично выгрузить, что надо, в Архангельске, а остаток доставить в Северодвинск. Но можно и не таскать весь состав в Архангельск, если перецепить вагоны по потребности на каком-то близко расположенном железнодорожном узле. Налицо идеальное решение: есть такой крупный ж/д узел – Исакогорка. И вот тут мой атлас подсказывает, что от центра этой Исакогорки до центра Новодвинска восемь с половиной километров. А мы от центра во-о-он в какой медвежий угол заехали! Да и сама путевая развязка в Исакогорке тоже на самом южном краю находится. Так и получается, что от нас сейчас до места предполагаемой перегрузки километра два-три! Кстати, это косвенно подтверждается и гудками маневровых паровозов. Повторно задаю контрольный вопрос: откуда бумажка на колесе?

– С железнодорожной развязки Исакогорка, господин генерал! И уважаемый мистер Шерлок Холмс!

– Это так элементарно, Ватсон! Ну а дальше мы, как всегда, отступаем от «классики жанра», которая предписывает исследовать ВСЕ имеющиеся варианты, отбросить ненужные и действовать по единственно правильному. На это, как всегда, у нас просто нет времени. Поэтому сразу берем тот, который считаем единственно правильным.

– И какой же это вариант?

Теперь Талеев задумался надолго. Он то вертел на столе драгоценную бумажку, подставляя ее под яркий свет лампы разными сторонами, то сосредоточенно глядел в окно или начинал неторопливо прохаживаться по горнице. Наконец, застыл ровно посередине.

– Кому-то (назовем их пока так) потребовалось доставить на северодвинский завод свой груз. Они выяснили факт и время прибытия целого грузового состава и в точке его разделения и перецепки сумели подменить какое-то число ящиков (или чего-то другого) на аналогичные, но со своей «начинкой» внутри.

Журналист замолчал. Безмолвным оставался и Анатолий. Полминуты, минута...

– И это все? – В голосе Толи звучала явная обида на чрезмерную краткость объяснений.

– Пока – да. Потому что «эта точка» сейчас у нас под боком. Оставим разборы и выводы на наш вечерний симпозиум, а сами двинем на узловую станцию Исакогорка. Разберемся на месте.

* * *

Друзья направились пешком по грунтовке в сторону небольшой рощи. Талеев решил не рисковать и отослал машину с водителем в дальний круговой объезд, который, судя по карте, позволял въехать в Исакогорку с «официальной» стороны. Там и договорились встретиться. Уже через полкилометра пути Гера похвалил себя за предусмотрительность: дорога значительно сузилась, ухабы и колдобины на ней стали практически непреодолимы для любого вида

наземного транспорта, лужицы на обочинах разрослись до размеров среднего пруда, а сквозь высокую траву по сторонам начали проглядывать бочаги, покрытые то ли тиной, то ли ряской.

Впрочем, по мере приближения к лесному массиву стало заметно суше и ровнее. Вот только сама дорога куда-то пропала, оставив вместо себя несколько еле заметных змеящихся тропинок. Зато идти по такому полю было гораздо приятнее, чище, безопаснее, а главное, быстрее. Обогнув рошу справа, друзья оказались на невысоком холме, с которого открылся прекрасный вид на железнодорожную развязку. Еще через двадцать минут пути они подошли к крайнему полотну железной дороги и остановились передохнуть и осмотреться.

– Ну что, Толя, думаю, с официальной стороной напряженной трудовой жизни Исакогорки мы еще всегда успеем ознакомиться, а пока проникнем в нее изнутри, так сказать.

– Ага. Через то самое место, знаковое для России. Надо было для представительства хоть водки прихватить.

– Почему-то мне кажется, что до этого дело не дойдет. Вряд ли нам тут настолько обрываются. Так что ты не расслабляйся.

В ответ Анатолий слегка отогнул полу куртки, и Талеев увидел рукоятку его «фирменного» пистолета.

– Господи, как же ты его из Москвы-то протащил на самолете?

– Так, шепнул в аэропорту, кому надо, пару слов о «красном коде».

Гера только pokrutil головой. Личное оружие они взяли «напрокат» в управлении МВД уже в Северодвинске, воспользовавшись тем же «красным кодом». Но разве мог серебряный призер Олимпийских игр по стрельбе из пистолета довольствоваться каким-то штатным «макаровым»? Пистолеты Анатолия – а в его домашней коллекции их было несколько – отличались от него, как современная баллистическая ракета от древней катапульты. Это было настоящее произведение искусства, безусловно, ручной работы. Удлиненный ствол со сверхтонким глушителем; рукоять, как эфес дуэльной шпаги, изготовленная исключительно под руку самого Анатолия, с учетом всех ее анатомических нюансов.

«Интересно, для какой руки он взял пистолет? – почему-то подумал Талеев. – Скрыт левой полый куртки – значит, для правой. – Толя одинаково прекрасно владел обеими руками. – А что у него под правой полый?»

Он еще раз pokrutil головой, но заговорил о другом:

– Наверняка здесь, на отшибе, есть свой выездной «командный пункт». Для непосредственного руководства и управления путейцами и грузчиками. Обычно это какой-нибудь вагончик на путях в тупике. Может, вон там, слева от маленького пакгауза?

– Почему бы не в самом пакгаузе?

– Возможно, конечно, но вагончик легко перемещать по рельсам. Попробуем с него и начать. Вряд ли стоит изображать какую-то дорожную инспекцию: они с такими представителями здесь постоянно имеют дело, а мы – дилетанты. Может, милиция или ФСБ...

– Замкнутся. Или испугаются. Давай станем представителями Посылторга, у которых куда-то контейнер потерялся? Может, сначала и насторожатся – особенно если сами каким-то краем замазаны, – но быстро поймут, что не имеют никакого отношения к нашей фиктивной пропаже. А вот тут уж точно осмелеют, еще и сами станут помогать в поисках!

– Добро, психолог!

Перешагивая через многочисленные рельсы, они напрямик двинулись к выбранной цели.

Из раскрытых ворот пакгауза несколько человек в ватниках выносили ящики и складывали их на открытую дрезину, стоящую на ближайшем пути. Мужчина в оранжевом жилете и пластиковой каске сидел рядом на раскладном стульчике, покуривая и наблюдая за работой. Проходящих мимо прилично одетых незнакомцев он проводил долгим взглядом, пока те не подошли к находящемуся метрах в семидесяти деревянному вагончику с открытыми дверями.

– Есть кто живой? – Талеев заглянул внутрь.

Вагончик очень напоминал строительную бытовку и одновременно прорабскую. В первом небольшом отделении размещались стеллажи с какими-то бумагами, длинный пластиковый стол с двумя скамьями и неработающая печка-буржуйка в углу. Дальше, за отдернутой сейчас занавеской, был виден пустой топчан, затянутый грязным одеялом, и торчали две ноги в резиновых сапогах: на другом топчане явно кто-то отдыхал.

За столом сидел молодой мужик в грязной светлой куртке, несуразной шляпе и с на треть заполненным прозрачной жидкостью стаканом в руке. На столе перед ним красовалась яркой этикеткой литровая бутылка дешевой водки. При появлении посторонних в вагончике на лице мужика не дрогнул ни один мускул. Рука со стаканом завершила свое движение у раскрытого рта и лихо опрокинула в глотку все содержимое тары.

«Неожиданно, – подумал Талеев. – Стальные нервы и немереная наглость. – Однако, внимательно взглядевшись в алюминиевую тусклость глаз мужика, изменил мнение: – Это не нервы крепкие, а предельно заторможенная реакция на почве сильнейшей алкогольной интоксикации. И такое в середине рабочего дня! А наглость определенно присутствует».

– Послушайте, уважаемый! Мы разыскиваем один потерявшийся контейнер с грузом. Сюда, на узловую, он прибыл, а вот до Архангельских судоверфей не добрался. Десять дней прошло. Конечно, всякие накладки в пути возможны: диспетчеры не туда направили, перцептики ошиблись или просто сгрузили на запасные пути и забыли... Хотелось бы поговорить с мастером или бригадиром, разобраться.

Молодой мужик равнодушно поинтересовался:

– А что за груз?

В разговор вмешался Анатолий:

– Какое это имеет значение? Вы здесь не таможня! Один пятитонный контейнер...

Лицо мужика налилось кровью:

– Ах, «не таможня»! Идите в центральную диспетчерскую, поднимайте все накладные, пишите заявление о доставке... Если наше руководство посчитает нужным, будет создана комиссия, которая во всем разберется. – Он явно издевался.

Журналист попытался сгладить резкое «выступление» напарника:

– Зачем же тревожить высокое руководство? Мы могли бы прямо на месте поискать. С вашей помощью, разумеется. И, конечно, за реальное вознаграждение. По итогам работы, так сказать. – Он был уверен, что на предложенную взятку мужик клюнет.

Однако тот закусил удила:

– Денег таких у вас нет, чтобы мою работу купить! Кто вы такие, откуда?!

– Мы снабженцы с горьковского завода электроматериалов. Из Нижнего Новгорода.

– Из Нижнего, говорите? – Мужик пьяно захохотал. – А я из Верхнего! Эшелона... власти...

В это время отодвинулась в сторону занавеска из «комнаты отдыха», и в прорабскую ступил заспанный человек в резиновых сапогах и наброшенном на плечи поверх тельняшки бушлате:

– Цыц! Ну-ка, ступай, отдохни, «начальник»! – При этих словах молодой мужик, бормоча матерные проклятия, начал неуклюже выбираться из-за стола. – А вы, уважаемые, – он подчеркнул это слово, давая понять, что слышал разговор с самого начала, – отправляйтесь... в общем, куда вот он и послал! Здесь вам нечего делать, я сказал!

Толя открыл было рот, но Талеев под руку увлек его к выходу. Провожаемые тяжелым взглядом «морячка», они вышли из вагона.

– Зачем ты меня остановил? Я бы просто объяснил засранцам, кто есть ху!

– Вот именно в этом я и не сомневаюсь. После твоего «объяснения» нам здесь уже ничего бы не светило.

– Как будто после твоих реверансов солнышко засияло...

Гера огляделся по сторонам:

– По крайней мере, еще не все потеряно. Ты заметил по дороге сюда работяг у пакгауза? Анатолий кивнул.

– Попытаемся навести мосты на самом низшем уровне.

* * *

В это время в вагончике «морячок» вытащил из кармана бушлата переносную рацию:

– Лешак! Лешак!

– Слушаю!

– От меня только что два хмыря вышли. Скользкие они. Проследи: если пойдут на станцию, пусть валят, а если начнут по нашим объектам шастать... Возьми ребят и «побеседуй» с ними в укромном уголке. Так, чтобы память на всю жизнь отбило. Заодно узнай, какого хрена они тут на самом деле ищут. Можешь не церемониться!

– Понял, Торпеда!

Мужчина в оранжевом жилете и пластиковой каске выключил рацию, резко свистнул и направился к распахнутым воротам пакгауза. За ним потянулись грузчики.

* * *

– Странно. Десять минут назад работа здесь просто кипела. Вон ящики на дрезине еще теплые. Наверное, производственное совещание затеяли. – Анатолий оглянулся на журналиста.

– Бродить без провожатого по местным запасникам бессмысленно. Пойдем, посетим рабочую «летучку».

Они вошли внутрь. Складское помещение было изрядно захламлено. Между кое-как скомпонованными штабелями грузов на грязном полу валялся давно не убираемый мусор: обрывки бумаги и упаковочного картона, доски от разбитых ящиков, вата и пакля. Узкая железная лестница в дальнем углу вела на второй ярус, где, очевидно, и располагался производственно-руководящий кабинет.

Талеев уже почти достиг верхней площадки лестницы, а Толя находился на ее середине, когда входные ворота пакгауза с лязгом захлопнулись и перед ними замаячила фигура одного из «работяг». Практически одновременно распахнулась дверь кабинета на втором ярусе, и оттуда вышел мужчина в оранжевом жилете. В руках он держал – ошибиться было невозможно – бейсбольную битую. Тут же к подножию лестницы подступили сразу трое грузчиков.

«Оранжевый» сделал шаг на первую верхнюю ступеньку лестницы и хрипло прорычал:

– А ну, марш вниз!

При этом он недвусмысленно похлопывал битой по ладони левой руки, а из-за его спины выглядывали малосимпатичные лица еще двух «бейсболистов».

– Понятно, – спокойно произнес Талеев, – совещаний и митингов не будет.

– Отчего же, – «оранжевый» продолжал медленно спускаться вниз, – вы как раз и будете выступать главными докладчиками. Только для начала разомнемся немного, чтобы речь была длинной, складной, а главное, очень откровенной!

Журналист примирительно поднял вверх обе руки, склонил голову и отступил вниз на две ступени.

– Конечно, конечно, – пробормотал он. Потом чуть заметно кивнул Анатолию и добавил, адресовываясь непонятно к кому: – Не надо экстрима. Все можно уладить без ненужного кровопролития.

Его поднятые вверх руки резко опустились на поручни лестницы, обе ноги синхронно перемахнули ограждение, и все тело легко и плавно приземлилось с двухметровой высоты на

грязный пол пакгауза рядом с тремя растерявшимися рабочими. Это секундное замешательство позволило Талееву мгновенно вывести из строя одного из противников, проведя классический боксерский удар снизу в челюсть. Двое других наконец очухались и с разных сторон бросились на неожиданного обидчика.

В это время «оранжевый», взметнув над головой бейсбольную биту, с ревом бросился вниз по лестнице. В первое мгновение Толя даже не шелохнулся. Лишь когда противник приблизился на расстояние метра, он, ухватившись руками за вертикальные стойки ограждения, резко отклонился назад, так что его спина почти легла на ступени, а ноги оказались выше головы. Следующим движением обе ноги уперлись в живот наваливающегося сверху «оранжевого» и без особых усилий придали телу последнего такое дополнительное ускорение, что оно пролетело остаток пути до пола пакгауза, не соприкоснувшись более ни с одной ступенькой. В отличие от изящного приземления журналиста, полет главаря бандитов завершился впечатляющим грохотом и тучей поднятой пыли. Бита выкатилась из рук распластанного мужика, неподвижно застывшего на цементном полу. Анатолий проделал кувырок назад через голову и оказался на ногах в двух ступенях от ее основания, стоя лицом к спускающимся двум бандитам и максимально готовый к поединку. Он даже успел оглянуться на Талеева и оценить, что помощь тому пока не требуется.

Один из нападавших на Геру подхватил упавшую биту, а второй зажал в кулаке полуметровый обрезок трубы. Кроме того, к ним на помощь подбегал запиравший ворота работяга, выставив вперед финский нож. Решив понапрасну не рисковать, Талеев трусцой отбежал метров на пять в сторону. С дружным воплем противники ринулись за ним. Как только журналист заметил, что один из преследователей чуть вырвался вперед, он стремительно обернулся, заранее отводя назад правую ногу, и на полном круговом махе нанес неотразимый удар стопой в голову противника. Бандит, нелепо взмахнув руками и выронив обрезок трубы, отлетел метра на три, ударился спиной и головой об угол стеллажа, сполз на пол и затих. После такого удара человек может встать – но не раньше, чем через пару месяцев, в больнице, пересаживаясь с ортопедической кровати на кресло-каталку.

Двое других резко затормозили. Теперь они действовали с большей опаской. Не приближаясь на расстояние возможного удара, бандиты стали двигаться по кругу, подбираясь к Талееву со спины. Вот только это расстояние один из них оценил неправильно. Не его вина, что до сих пор он еще не был знаком с потрясающими способностями журналиста. Теперь познакомился: Гера прыгнул вперед и, прежде чем поднялась рука с битой, нанес прямой удар костяшками пальцев в переносицу. Противник, обливаясь кровью, опустился на пол. Талеев обернулся к оставшемуся врагу...

В этот момент неожиданно прозвучал выстрел, пуля просвистела в двух сантиметрах от головы журналиста. Он низко присел и поискал глазами новую угрозу. Стрелял пришедший в себя «оранжевый». Он продолжал лежать на полу, его лицо заливала кровь, поэтому выстрел и оказался неточным. «Теперь вряд ли промахнется, – подумал Талеев, заметив сгибающийся указательный палец на спусковом крючке пистолета. Он быстро откатился по полу с возможной линии огня. Прогремел второй выстрел, и громко завопил бандит, нападавший на Геру с ножом: пуля из пистолета «оранжевого» попала ему в ногу чуть выше колена. – Не вовремя ты между нами оказался!»

Талеев продолжал укрываться за телом опустившегося на корточки раненого, а глазами подыскивал подходящее убежище. Прятаться, однако, больше не потребовалось: «освободившись» от одного нападавшего и загнав другого высоко на лестницу, Анатолий сзади подкрался к стрелку и нанес ему убийственный удар в основание черепа. Потом подошел к лестнице и поманил пальцем оставшегося бандита:

– Ну а теперь спускайся, родной. Если ты вынудишь меня подниматься наверх, я очень рассержусь. А это может плохо для тебя закончиться.

Этот последний субъект оказался парнем лет двадцати, который, трясаясь от страха, начал медленно спускаться вниз под одобряющие восклицания Толи и неумолчный вой раненого в ногу. Внизу Анатолий связал ему руки за спиной подобранным рядом обрывком веревки, усадил на пол, прислонив к штабелю ящиков, и приложил палец к губам:

– Полная тишина, ясно?

Испуганный парень в ответ только закивал.

Друзья тихо переговаривались:

– Вот тебе, командир, и производственное совещание!

– Сейчас быстренько уточним некоторые подробности.

Журналист оценивающе посмотрел сначала на связанного парня, потом на раненого и, приняв решение, двинулся в сторону последнего. Бандит, полулежа, тихо скулил. Подойдя к нему вплотную, Талеев сильно наступил ногой на кровоточащую рану. Несчастный заорал так, что Гера тут же ослабил нажим, но ногу с раны не убрал.

– Почему вы напали на нас? Мы никого не трогали, а лишь хотели спокойно разобраться в потере своего груза.

Бандит на секунду замешкался с ответом, и журналист тут же усилил нажим. Когда стихли очередные стоны, он наставительно произнес:

– Отвечать быстро, не раздумывая. Ну!

– Это Лешак приказал...

Гера взглянул на уткнувшегося в пол «оранжевого».

– Я ничего не знаю... Я вас даже не видел никогда. А Лешак приказал...

– Слушай сюда внимательно. Твой Лешак, так же как и ты, никогда нас не видел и не знал. Почему он так приказал?

Раненый только собрался недоумевающе пожать плечами, как нога Геры зашевелилась на его ране.

– Не надо! Пожалуйста! Перед вашим приходом ему сообщили по рации. Я сам слышал.

– Кто сообщил?

Раненый молчал.

– Последний раз спрашиваю: кто сообщил о нашем приходе?

– Я не могу! Он меня обязательно убьет!!

– Я это сделаю еще до него, но умирать ты будешь очень мучительно. – Талеев жестоко надавил на рану, потом огляделся и подобрал валявшуюся рядом финку. – Ты бы мог спокойно умереть от заражения крови или чудом выжить, но не успеешь: я сейчас медленно отрежу тебе ногу вот этим ножом.

И он действительно полоснул лезвием чуть выше колена.

Раненый, дернувшись, скороговоркой зачастил:

– Это Торпеда! Торпеда! Он здесь главный. Вы были у него в вагончике, а потом ушли. Я не знаю, о чем вы говорили, но Торпеда сразу приказал нашему Лешаку разобраться с вами по-серьезному. И еще выпытать, откуда вы тут появились и зачем. А потом все равно замочить.

– Неужели не страшно? – Гера даже всерьез заинтересовался. – Если не за убийство, так за свою судьбу: поймают ведь обязательно.

– Тут болото рядом за путями. А вы – не нашенские, никто и знать не будет, где искать.

Что-то прочитав в глазах раненого, журналист тихо спросил:

– Что, не мы первые уже, да?

Раненый промолчал, отвернув голову. Талеев отбросил нож и подошел к Анатолию.

– Это уже не рабочие-железнодорожники. – Он медленно оглядел место побоища. – Это вполне сформированная криминальная банда. И довольно опытная, судя по готовности применить любое оружие. Но это не те, кто нам сейчас нужен. Думаю...

В это время слышалось шипение рации в кармане «оранжевого» и раздался приглушенный голос:

– Лешак! Лешак! Какого черта ты там копаешься? Почему не докладываешь?.. Лешак!..

Гера бросился к выходу, на бегу прокричав Анатолию:

– Нельзя позволить ему скрыться! Надо захватить врасплох!

ГЛАВА 4

Из пакгауза они выскочили вдвоем и что есть сил бросились к «штабному» вагончику. У входа в него Талеев, добежавший первым, остановился на секунду перевести дыхание. Тут дверь вагончика распахнулась, и прямо на журналиста шагнул мужчина в бушлате и тельняшке. Неожиданной встреча оказалась только для него, Гера к ней был готов. Поэтому, ни секунды не колеблясь, нанес сильный удар коленом в промежность мужику, а затем грубо впихнул его обратно в помещение. Там к пытавшемуся подняться с пола бандиту подскочил Анатолий, заломил за спину руки, заставив распластаться на животе, вдавил ему в спину колено и огляделся в поисках какой-нибудь веревки. Журналист протянул ему длинный кусок прочного шпагата, который обнаружил в раскрытом железном гардеробном ящике. Толя ловко связал руки мужика. Потом, подумав, крепко спутал и его ноги. Только затем он рывком посадил бандита на длинную скамейку.

Торпеда выглядел старше остальных своих поделльников, ему было лет пятьдесят. Массивный торс бандита и короткая толстая шея говорили о его недюжинной силе. Он продолжал кривиться от боли, но одновременно бросал из-под густых нависающих бровей взгляды по сторонам, лихорадочно отыскивая малейшую возможность для нападения или побега. Так что связанные ноги вовсе не выглядели излишней мерой предосторожности.

Талеев сразу почувствовал эту силу и понял, как нелегко будет добиться от такого главаря каких-нибудь признаний. Ничего похожего на «сыворотку правды» – скополамина – под рукой не было. Об этом же, наверное, подумал и Анатолий, решив взять на себя нелегкие обязанности «дознателя».

– Ты лучше погуляй за дверью, патрон, пока мы тут по-мужски побеседуем.

– Вы трупы, ублюдки!.. – Дальше в речи Торпеды был один мат. Толя подобрал с пола грязную промасленную тряпку и с силой засунул импровизированный кляп в рот бандита. Поток словесных нечистот сменился утробным рычанием.

Журналист отошел к двери, а его напарник вытащил из-за пояса пистолет с длинным стволом и нанес бандиту несколько точно рассчитанных ударов рукоятью в область заушной впадины. Это было очень болезненное место, но Торпеда лишь дернул головой и напряг все мускулы в попытке разорвать путы на руках и ногах. Он даже привстал вперед со скамейки, и тогда Анатолий что есть силы ткнул стволом пистолета снизу вверх в нос бандита. Удар разорвал одну ноздрю и сломал носовую перегородку, отчего фонтаном хлынула кровь. Но, вероятно, ствол зацепил кляп и ослабил его, потому что Торпеде удалось вытолкнуть языком тряпку, и он всерьез попытался вцепиться зубами в лицо своего палача. При этом громогласный вой потряс стены вагончика. Анатолию с трудом удалось уклониться от нападения и ударом в висок временно обездвигить бандита.

Запыхавшийся и выпачканный кровью Анатолий еще раз повторил командиру:

– Иди-иди, погуляй, покури, осмотришься вокруг. Чувствую, что здесь придется применить самые экстраординарные способы...

Талеев задумчиво проговорил:

– Попытаться, конечно, придется. Вот только боюсь, что это – слишком крепкий орешек. Тебе не кажется, что он скорее сдохнет, чем произнесет что-то, кроме ругательств?

Его вопрос остался без ответа, потому что неожиданно распахнулась занавеска из второго помещения, и в «прорабскую», пошатываясь, ввалился молодой мужик. Он осоловело хлопал глазами, пока взгляд не сфокусировался на развалившемся без чувств на скамейке окровавленном начальнике. Неожиданно отрешенное и непонимающее выражение на его лице сменилось на удивленное и жалостливое. Молодой сделал два неуверенных шага вперед и опустился перед скамейкой на колени. Из его рта вырвался уж вовсе странный возглас:

– Торпе... Батя!!!

Торпеда вдруг открыл глаза.

Талеев от двери быстро шагнул вперед, ухватил молодого мужика за волосы, резко поднял с колен и бросил на соседнюю скамью. Потом махнул рукой Анатолию, и они вдвоем ловко скрутили парня по рукам и ногам. Если молодой почти не сопротивлялся, то приходящий в себя главарь бешено матерился, брызгая по сторонам кровью, и пытался встать. Толя отыскал в железных ящиках у входа большой моток проволоки и прикрутил им Торпеду к толстой и прочной трубе, проходящей вдоль всего помещения у самого пола. Бандит обреченно затих.

Теперь журналист знал, каким способом заставить Торпеду сотрудничать.

– Ну что ж, – негромко проговорил он, – похоже, что мы действительно не сумеем ничего от тебя добиться. Ладно. Ты свой выбор сделал. Болото за рельсами, говорят, глубокое, всех примет. Да и зачем тебе дальше жить? От всей твоей «бригады» осталось в живых два-три инвалида. Какая уж тут «работа»! Но подручные в пакгаузе – это «шестерки». Они не знают того, что интересует нас, не видели тех людей, с которыми ты наверняка встречался. – Бандит хранил упорное молчание, но Гера не обращал на это никакого внимания. – Совсем другое дело вот этот любопытный экземпляр! – Он указал на молодого мужика. – Это твоя правая рука. Он обязательно в курсе всего происходящего. Вот его мы сейчас и разговорим. Устроим допрос с пристрастием!

Впервые бандит заговорил нормальным языком:

– Этот тоже ничего не знает. Он... как бы мой адъютант. Подай, принеси, проверь...

– Хорошо. Считай, что я тебе верю. Но мне почему-то кажется, что именно он тебе особенно дорог. Я не прав? – Торпеда угрюмо молчал. – А говорить за него будешь ты.

Теперь бандит и вовсе отвернул в сторону голову. Гера понимающе покивал.

– У нас очень мало времени, поэтому мы до предела убыстрим процесс.

Талеев взял моток проволоки, забрался на стол и привязал один ее конец к торчащему из потолка массивному крюку; на другом конце он быстро соорудил петлю и озабоченно проверил ее хорошее скольжение. Что-то, видно, не совсем понравилось журналисту, потому что он обратился к Торпедке:

– Да, проволока – это не хорошо намыленная веревка. Будет постоянно заедать, тормозить... Горло натрет. Но ведь нам и не нужна быстрота, верно? Не надо ломать шейные позвонки для ускорения смерти. Медленное удушение – это очень впечатляющая картина. Особенно для того, кто смотрит со стороны, согласен? Ну-ну. А если такой вот тряпичной куклой перед тобой будет дергаться родной сын, а?

Таких рассуждений не могла вынести даже вконец очерстневшая душа бандита. Он снова зарычал, задергался всем телом, но и проволока, и труба оказались прочными. Тогда сквозь рев послышались истеричные вскрики:

– Я ничего не скажу, сволочи! Убийцы!! Ничего-о-о-о!!! Вы все сдохнете, сдохнете, сдохнете...

Журналист равнодушно пожал плечами. Вдвоем с Толей они поставили молодого мужика на скамью всего в метре от корчащегося Торпеды, надели на его шею проволочную петлю, и Гера еще раз окончательно отрегулировал по длине орудие мучительной и небыстрой смерти.

– А вот теперь, как я и обещал, мы ускорим процесс.

С этими словами Талеев повалил набок скамью, на которой стоял молодой мужик. В вагончике стало удивительно тихо. Петля не затянулась сразу, а застряла на каком-то из многочисленных изгибов металлической проволоки. Тело несчастного задергалось, он захрипел... Щелк! Это проволока под весом дергающейся нагрузки проскочила один сгиб и затормозила у следующего. Шея и лицо висельника побагровели, на губах выступила пена, а хрипы стали более низкими и короткими. Не дожидаясь следующего щелчка, журналист повернулся к Анатолию:

– Пойдем на воздух, передохнем, покурим... А этот пусть попляшет. О, да он не только обоссался, но и обгадился! Фу, как неэстетично.

Оба вышли из вагончика и прикрыли дверь. На улице Талеев внимательно посмотрел на часы:

– Думаю, минут пять он еще продержится. Хотя... Как петля пойдет и проволока ляжет. Истощенный, нечеловеческий крик из вагончика раздался через сто секунд.

По щекам Торпеды катились слезы. Удерживающая его проволока разорвала тельняшку и глубоко врезалась в тело. Он не обращал на это никакого внимания – его безумный взгляд был прикован к искаженному гримасой страданий лицу сына. Анатолий быстро подхватил уже обмякшее и не сопротивляющееся тело под ноги, а Гера с трудом распустил затянувшуюся на горле проволоку. Уложив несчастного на стол, они вдвоем стали приводить его в чувство. Когда появились первые признаки жизни, Талеев присел на скамейку напротив привязанного к трубе бандита и спросил лишь:

– Ну?

Через полчаса они знали все.

* * *

До недавнего времени воровство на железнодорожном узле Исакогорка носило характер хаотичный, единичный и неорганизованный. С воцарением в стране капитализма поток грузов в неперспективный регион резко сократился, даже практически иссяк. Пожиться по-крупному было нечем, а что за навар с килограмма гвоздей или пары промасленных шпал?!

Но страна потихоньку выходила из штопора, и даже в эти приполярные края потянулись приезжие бизнесмены, да и свои рокфеллеры зашевелились. В городах и поселках открывались частные магазины, кафе, рестораны, оживился строительный бизнес; выгодно стало иметь свое, пусть и небольшое, производство чего-нибудь. И потянулся поток товаров, продуктов, оборудования... Львиная доля доставок, ввиду почти полного отсутствия приличных дорог, легла на железнодорожный транспорт.

На крупные составы, обеспечивающие предприятия судостроения или оборонки, не замахивались: пропажу такого груза легко обнаружить и вычислить. Кроме того, у таких за спиной стояло государство, с которым, как известно, во все времена шутки плохи. Зато какую прекрасную добычу представляли сотни и тысячи небольших партий товаров, пересылаемые отдельными контейнерами или вагонами! Документация на них была примитивна и часто несостыкована: все-таки главной задачей поставщика, производителя и получателя у нас стал обман партнера. Так что даже если по прибытии на место недоставу и обнаруживали, доказать что-либо в суде оказывалось совершенно невозможно. Да этим никто и не занимался, предпочитая или смириться с неизбежной «утруской» при перевозке, или платить «кому следует». Каждый бизнесмен решал этот вопрос по-своему.

На железнодорожном узле стали крутиться большие деньги. Рано или поздно кто-то должен был подчинить себе разношерстную массу мелких воришек, несунув, взломщиков контейнеров и угонщиков вагонов. Таким человеком стал Торпеда.

Сложные перипетии восхождения его на местный трон не интересовали Талеева. Нужная информация скрывалась в событиях последних одного-двух месяцев. Именно в это время Торпеду «вычислили». И это была не милиция. Примерно месяц назад сюда, в штабной вагончик, явились два очень приличных человека и за пять минут, «на пальцах», обрисовали Торпедо весь расклад его же воровского промысла. С цифрами, датами, связями и контактами, каналами реализации, откатами и барышами. Дознание было проведено добросовестно и профессионально, вплоть до имен высоких покровителей в силовых и административных структурах.

Пораженный бандит первое время мог думать только о том, каким именно способом он сейчас избавится навсегда от таких эрудированных гостей. Однако в какой-то момент, прислушавшись к тому, что они предлагают, неожиданно осознал, что не только ничего не теряет и ничем не рискует, но еще и получит весьма приличную сумму «за беспокойство». Он постарался вникнуть в смысл слов говорившего.

Выходило, что незнакомцы никак не покушались на его «бизнес». Их интересовал как раз тот его участок, который Торпеда вполне сознательно не брал под свое «покровительство»: доставка оборудования для государственных судостроительных предприятий. Причем интересовал не на какой-то длительный срок или в больших объемах, а лишь в рамках вполне конкретного груза на одном или двух определенных составах. Больше того, номера составов и сроки их прибытия в Исакогорку незнакомцам были известны.

Так чего же они хотят от него? Ну, во-первых, из уважения: не желают «работать» на чужой территории без одобрения ее «хозяина». Это Торпеде уже понравилось. Во-вторых, просят помочь с квалифицированными специалистами по вскрытию вагонов, а главное, обеспечить полное восстановление разрушенных при таком вскрытии пломб и печатей. Эта методика у Торпеды была отлично отработана. Значит, «малой кровью» за приличный гонорар? Пожалуй, лишь один нюанс серьезно беспокоил бандита: в конечном счете судостроители и ремонтники обнаружат недостачу и молчать не станут. Перегрузочный пункт вычисляется элементарно, и тогда Торпеду не спасут никакие связи в местных правоохранительных органах.

Но тут бандит получил удивительное заверение: никакой недостачи не будет! Количество единиц груза, как и его объем, останутся абсолютно неизменными. И по поводу накладных ему беспокоиться нечего. Эти проблемы незнакомцы решат самостоятельно.

О чем еще они говорили? Да-да, было одно обязательное требование: его люди никоим образом не должны интересоваться подробностями операции и следить за действиями чужаков. Ха-ха! За время своих многочисленных отсидок Торпеда прошел хорошую школу и понимал, чем могут грозить подобные нарушения. А эти ребята еще и так прочно держали его самого на крючке.

Нет. Они точно не из блатных. Уж он-то знает! Пожалуй, русские. Может, и было в лицах что-то восточное, но говорили абсолютно без акцента, а кавказцы так не могут. Уж он-то знает, встречался.

Может, силовики? У нас таких вопросов не задают... Это все равно что попросить предъявить паспорт. Если бы посчитали нужным, сами показали удостоверение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.